

Василий Ключевский

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ЯУЗА
МОСКВА
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)
К52

Художественное оформление Ю. Щербакова

Оформление переплета В. Щербакова

В оформлении переплета использованы
иллюстрация из «Царского титулярника» 1672 г.
и гравированный портрет В.О. Ключевского работы В.В. Матэ

Ключевский, Василий Осипович.

К52 Курс русской истории / Василий Ключевский. — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 1152 с.
ISBN 978-5-9955-0984-4

Парадоксальное мышление, литературный талант и язвительность В.О. Ключевского (1841–1911) были известны современникам задолго до того, как он опубликовал «Курс русской истории» в 5 частях, над которым работал несколько десятков лет. Ученик С.М. Соловьева и его преемник на кафедре русской истории Московского университета, Ключевский со временем стал одним из самых заметных представителей историографии XIX–XX вв. Он разработал собственную концепцию исторического развития нашего государства и, помимо прочего, прославился едким определением «галерея культурных уродов» для придворной знати всех веков, а его восхитительное здравомыслие пришлось как нельзя кстати в эпоху, когда в российском обществе смешались мракобесие и прогрессивные настроения. «Курс русской истории» начал издаваться в 1900-х гг., перед первой русской революцией, но актуален и сейчас.

Все 86 лекций В.О. Ключевского, написанные живым, ярким языком, собраны в одном томе и продолжают прекрасно иллюстрированную серию «Русская историческая библиотека», в которую входят наиболее значительные труды по отечественной истории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-9955-0984-4

© ООО «Яуза-пресс», 2018

ЛЕКЦИЯ I

Научная задача изучения местной истории. Исторический процесс. История культуры или цивилизации. Историческая социология. Две точки зрения в историческом изучении — культурно-историческая и социологическая. Методологическое удобство и дидактическая целесообразность второй из них в изучении местной истории. Схема социально-исторического процесса. Значение местных и временных сочетаний общественных элементов в историческом изучении. Методологические удобства изучения русской истории с этой точки зрения.

Ры прослушали уже несколько курсов по всеобщей истории, познакомились с задачами и приемами университетского изучения этой науки. Начиная курс русской истории, я предположу ему несколько самых общих элементарных соображений, цель которых — связать сделанные вами наблюдения и вынесенные впечатления по всеобщей истории с задачами и приемами отдельного изучения истории России.

НАУЧНАЯ ЗАДАЧА ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ. Понятен практический интерес, побуждающий нас изучать историю России особо, выделяя ее из состава всеобщей истории: ведь это история нашего отечества. Но этот воспитательный, т. е. практический, интерес не исключает научного, напротив, должен только придавать ему более дидактической силы. Итак, начиная особый курс русской истории, можно поставить такой общий вопрос: какую научную цель может иметь специальное изучение

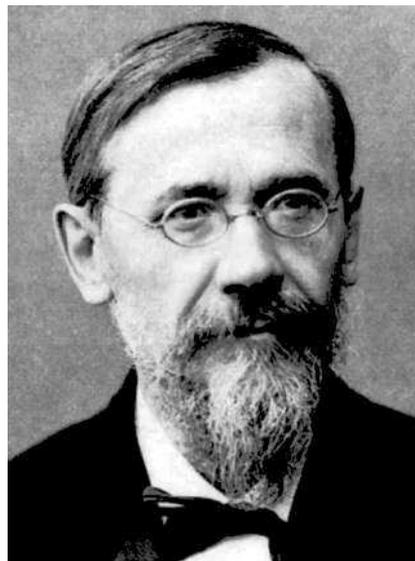
истории одной какой-либо страны, какого-либо отдельного народа? Эта цель должна быть выведена из общих задач исторического изучения, т. е. из задач изучения общей истории человечества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. На научном языке слово *история* употребляется в двояком смысле: 1) как движение во времени, процесс, и 2) как познание процесса. Поэтому все, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит *исторический процесс*, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах. Человеческое общежитие — такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы. Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые

могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, — словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем *историческим процессом*.

ДВА ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.

Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны, касаются международных отношений, внешней и внутренней жизни отдельных народов, деятельности отдельных лиц среди того или другого народа. Все эти явления складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно меняющей свои приемы и характер, однако, отлагается нечто более твердое и устойчивое: это — известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим. Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета, которые он старается разглядеть в волнистом потоке исторической жизни, как она отражается в источниках. Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой — устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, — словом, выработка человека и человеческого общежития — таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его *культурой*, или *цивилизацией*; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, *истории культуры*, или *цивилизации*. Другой предмет исторического наблюдения — это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные

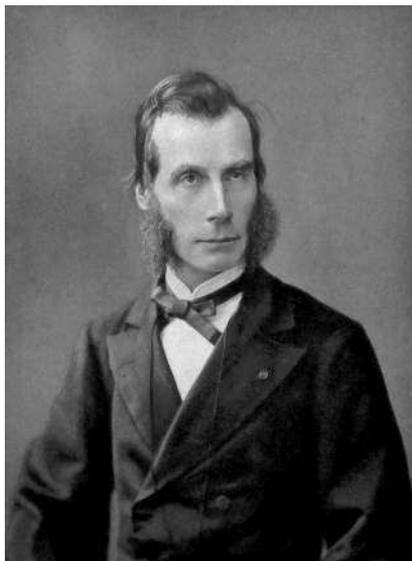
Василий Осипович Ключевский (1841–1911).

Фотография К. Фишера в Москве, 1897 г.

общества, живущие целые века. Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправления их отдельных органов — словом, изучение свойств и действия сил, созидających и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием *исторической социологии*. Существенное отличие ее от истории цивилизации в том, что содержание последней составляют результаты исторического процесса, а в первой наблюдению подлежат силы и средства его достижения, так сказать, его кинетика. По различию предметов неодинаковы и приемы изучения.

ОТНОШЕНИЕ К НИМ ИСТОРИИ ОБЩЕЙ и МЕСТНОЙ. Какое же отношение истории общей и местной к этим предметам познания?

Оба указанных предмета исторического изучения легче различаются в отвлеченной классификации знаний, чем в самом процессе изучения. На самом деле как в общей, так и в местной истории одновременно наблюдают и успехи общежития, и строение общества, притом так, что по самым успехам общежития изучают природу и действие строящих его сил и, наоборот, данным строем общества измеряют успехи общежития. Однако можно заметить, что в истории

Французский историк

Нюма-Дени Фюстель де Куланж (1830–1889).

*Портрет из книги Н.-Д. Фюстеля де Куланжа
«Римский колонат» (СПб., 1908)*

общей и в истории местной оба предмета не находятся в равновесии и в одном изучении преобладает один предмет, в другом — другой. Сравним, какую степень простора и какой материал находит для своих исследований историк культуры в пределах истории всеобщей и в пределах истории местной, и затем дадим себе такой же отчет по отношению к историку, поставившему перед собой вопросы социологического характера.

Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие отдельного народа в общей культурной работе человечества или, по крайней мере, в плодах этой работы. Вы уже знакомы с ходом этой работы, с общей картиной успехов человеческого общежития: сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения зве-

нями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью, постепенно накапливался известный культурный запас, и то, что отложилось и уцелело от этого многовекового запаса, — это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену. Этот сложный процесс становится главным предметом изучения во всеобщей истории: прагматически, в хронологическом порядке и последовательной связи причин и следствий, изображает она жизнь народов, совместными или преемственными усилиями достигавших каких-либо успехов в развитии общежития. Рассматривая явления в очень большом масштабе, всеобщая история сосредоточивается главным образом на культурных завоеваниях, которых удалось достигнуть тому или другому народу. Наоборот, когда особо изучается история отдельного народа, кругозор изучающего стесняется самым предметом изучения. Здесь наблюдению не подлежит ни взаимодействие народов, ни их сравнительное культурное значение, ни их историческое преемство: преемственно сменявшиеся народы здесь рассматриваются не как последовательные

Генри Джеймс Самнер Мэн (1822–1888),

английский историк, юрист и социолог права.

*Фронтиспис из книги М.Э. Грант-Даффа
«Сэр Генри Мэн. Краткие воспоминания о его жизни»
(Нью-Йорк, 1892)*

моменты цивилизации, не как фазы человеческого развития, а рассматриваются сами в себе, как отдельные этнографические особи, в которых, повторяясь, видоизменялись известные процессы общежития, те или другие сочетания условий человеческой жизни. Постепенные успехи общежития в связи причин и следствий наблюдаются на ограниченном поле, в известных географических и хронологических пределах. Мысль сосредоточивается на других сторонах жизни, углубляется в самое строение человеческого общества, в то, что производит эту причинную связь явлений, т. е. в самые свойства и действие исторических сил, строящих общежитие. Изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. Итак, разница в точках зрения и их сравнительном удобстве. Эти точки зрения вовсе не исключают одна другой, напротив, пополняют друг друга. Не только общая и местная история, но и отдельные исторические факты могут быть исследуемы с той или другой стороны по усмотрению исследователей. В *Древнем праве* Мэна и *Античной городской общине* Фюстель де Куланжа предмет одинаков — родовой союз; но у последнего этот союз рассматривается как момент античной цивилизации или как основа греко-римского общества, а у первого — как возраст человечества, как основная стихия людского общежития. Конечно, для всестороннего познания предмета желательнее совмещение обеих точек зрения в историческом изучении. Но целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом.

ПРЕОБЛАДАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В МЕСТНОЙ ИСТОРИИ. Всеобщая история создавалась, по крайней мере доселе, не совокупной жизнью всего человечества, существовавшего в известное время, и не однообразным взаимодействием всех сил и условий человеческой жизни, а отдельными народами или группами немногих народов, которые преемственно сменялись при разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторявшемся. Эта непрерывная смена народов на исторической сцене, этот вечно изменяющийся подбор исторических

Законы двенадцати таблиц. Один из древнейших письменно зафиксированных сводов римского права.

Старинная ксилография

сил и условий может показаться игрой случайностей, лишаящей историческую жизнь всякой планомерности и закономерности. На что может пригодиться изучение исторических сочетаний и положений, когда-то и для чего-то сложившихся в той или другой стране, нигде более не повторимых и не предвидимых? Мы хотим знать по этим сочетаниям и положениям, как раскрывалась внутренняя природа человека в общении с людьми и в борьбе с окружающей природой; хотим видеть, как в явлениях, составляющих содержание исторического процесса, человечество развертывало свои скрытые силы, — словом, следя за необозримой цепью исчезнувших поколений, мы хотим исполнить заповедь древнего оракула — познать самих себя, свои внутренние свойства и силы, чтобы по ним устроить свою земную жизнь. Но по условиям своего земного бытия человеческая природа как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени. По этим условиям отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявляли ту или другую силу человеческой природы. Греки, раздробленные на множество слабых городских республик, с непревзойденной силой и цельностью развили в себе художественное творче-

ство и философское мышление, а римляне, основавшие небывалую военную империю из завоеванного ими мира, дали ему удивительное гражданское право. В том, что сделали оба этих народа, видят их историческое призвание. Но было ли в их судьбе что-либо роковое? Была ли предназначена в удел Греции идея красоты и истины, а Италии — чутье правды? История отвечает на это отрицательно. Древние римляне были посредственные художники-подражатели. Но потомки их, смешавшиеся с покорившими их варварами, потом воскресили древнее греческое искусство и сделали Италию образцовой художественной мастерской для всей Европы, а родичи этих варваров, оставшиеся в лесах Германии, спустя века особенно усердно реципировали римское право. Между тем Греция с преемницей павшего Рима, Византией, тоже освеженная наплывом варваров, после Юстинианова кодекса и Софийского собора не оставила памятных образцов ни в искусстве, ни в правоведении. Возьмем пример из новейшего времени. В конце XVIII и в начале XIX в. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее чем сто лет спустя после появления Вертера и только через одно поколение от Йены этот народ едва не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы как принцип международных отношений и поставил под ружье все народы континентальной Европы.

ИДЕАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. Значит, тайна исторического процесса, собственно, не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних, постоянных, данных раз навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время. Эти сочетания — основной предмет исторической социологии. Хотя они запечатлены местным характером и вне данного места неповторимы, но это не лишает их научного интереса. Чрез общества, подпадавшие под их действие, они вызывали наружу те или другие свойства человечества, раскрывали его природу с разных сторон. Все исторически слагавшиеся общества — все различные местные сочетания разных условий раз-

вития. Следовательно, чем больше изучим мы таких сочетаний, тем полнее узнаем свойства и действие этих условий, каждого в отдельности или в данном наиболее своеобразном подборе. Так этим путем, быть может, удастся выяснить, как *общее* правило, *когда*, например, капитал убивает свободу труда, не усиливая его производительности, и *когда* помогает труду стать более производительным, не поработая его. Изучая местную историю, мы познаём состав людского общежития и природу составных его элементов. Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий.

Определив, в каком соотношении должны находиться при изучении местной истории точки зрения культурно-историческая и социологическая, перейдем теперь к ближайшему рассмотрению самого этого вопроса об условиях развития людских обществ, о тех или иных сочетаниях этих условий.

ОСНОВНЫЕ СИЛЫ ОБЩЕЖИТИЯ. Исторический процесс, как мы его определили, слагается из совместной работы нескольких сил, смыкающих отдельные лица в общественные союзы. В области опытного или наблюдательного познания, а не созерцательного, богословского ведения мы различаем две основные первичные силы, создающие и движущие совместную жизнь людей: это — человеческий дух и внешняя, или так называемая физическая, природа. Но история не наблюдает деятельности отвлеченного человеческого духа: это область метафизики. Равным образом она не ведает и одинокого, отрешенного от общества человека: человек сам по себе не есть предмет исторического изучения; предмет этого изучения — совместная жизнь людей. Историческому наблюдению доступны конкретные виды или формы, какие принимает человеческий дух в совместной жизни людей: это индивидуальная человеческая *личность* и человеческое *общество*. Я разумею *общество* как историческую силу не в смысле какого-либо специального людского союза, а просто как факт, что люди живут вместе и в этой совместной жизни оказывают влияние друг на друга. Это взаимное влияние совместно

живущих людей и образует в строении общежития особую стихию, имеющую особые свойства, свою природу, свою сферу деятельности. Общество состоит из лиц; но лица, составляющие общество, сами по себе каждое — далеко не то, что все они вместе, в составе общества: здесь они усиленно проявляют одни свойства и скрывают другие, развивают стремления, которым нет места в одинокой жизни, посредством сложения личных сил производят действия, непосильные для каждого сотрудника в отдельности. Известно, какую важную роль играют в людских отношениях пример, подражание, зависть, соперничество, а ведь эти могущественные пружины общежития вызываются к действию только при нашей встрече с ближними, т. е. навязываются нам обществом. Точно так же и внешняя природа нигде и никогда не действует на все человечество одинаково, всей совокупностью своих средств и влияний. Ее действие подчинено многообразным географическим изменениям: разным частям человечества по его размещению на земном шаре она отпускает неодинаковое количество света, тепла, воды, миазмов, болезней — даров и бедствий, а от этой неравномерности зависят местные особенности людей. Я говорю не об известных антропологических расах — белой, темно-желтой, коричневой и проч., происхождение которых во всяком случае нельзя объяснить только местными физическими влияниями; я разумею те преимущественно бытовые условия и духовные особенности, какие вырабатываются в людских массах под очевидным влиянием окружающей природы и совокупность которых составляет то, что мы называем *народным темпераментом*. Так и внешняя природа наблюдается в исторической жизни как *природа страны*, где живет известное людское общество, и наблюдается как сила, поскольку она влияет на быт и духовный склад людей.

ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ. Итак, человеческая *личность*, людское *общество* и *природа страны* — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов или связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы. Элементы общежития — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и ду-

ховной, либо стремления и цели, какие рождаются из этих свойств и потребностей при участии внешней природы и других людей, т. е. общества, либо, наконец, отношения, какие возникают между людьми из их целей и стремлений. Сообразно с таким или иным происхождением одни из этих элементов могут быть признаны простыми или первичными, другие производными вторичного и дальнейших образований из совместного действия простых. По основным свойствам и потребностям человека эти элементы можно разделять на *физиологические* — пол, возраст, кровное родство, *экономические* — труд, капитал, кредит, *юридические* и *политические* — власть, закон, право, обязанности, *духовные* — религия, наука, искусство, нравственное чувство.

СХЕМА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА. Общежитие складывается из своих элементов и поддерживается двумя средствами, *общением* и *преемством*. Чтобы стало возможно общение между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее возможно при двух условиях: чтобы люди понимали друг друга и чтобы нуждались друг в друге, чувствовали потребность один в другом. Эти условия создаются двумя общими способностями: *разумом*, действующим по одинаковому закону мышления и в силу общей потребности познания, и *волей*, вызывающей действия для удовлетворения потребностей. Так создается взаимодействие людей, возможность воспринимать и сообщать действие. Таким обменом действий отдельные лица, обладающие разумом и волей, становятся способны вести общие дела, смыкаться в общества. Без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества; чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее. Устаиваясь и твердея от времени, эти связи превращаются в нравы и обычаи. В силу тех же условий общение возможно не только между отдельными лицами, но и между целыми чередующимися поколениями: это и есть *историческое преемство*. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами пере-

В.О. Ключевский в 1873 г.

Анисья Бородина, жена В.О. Ключевского

дачи служат *наследование и воспитание*. Время закрепляет усвояемое наследие новой нравственной связью, *историческим преданием*, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и наклонности потомков. Так из отдельных лиц составляются постоянные союзы, переживающие личные существования и образующие более или менее сложные *исторические типы*. Преемственной связью поколений выработывалась цепь союзов, все более усложнявшихся вследствие того, что в дальнейшие союзы последовательно входили новые элементы вторичного образования, возникавшие из взаимодействия первичных. На физиологических основах кровной связи строилась первобытная *семья*. Семьи, пошедшие от одного корня, образовывали *род*, другой кровный союз, в состав которого входили уже религиозные и юридические элементы, почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть). Род через нарождение разрастался в *племя*, генетическая связь которого выражалась в единстве языка, в общих обычаях и преданиях, а из племени или племен посредством разделения, соединения и ассимиляции составлялся *народ*, когда к связям этнографическим присоединялась нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и ин-

тересов. Наконец, народ становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения.

Таковы основные формы общежития, представляющие последовательные моменты его роста. Начавшись кровной связью тесной семьи, процесс завершался сложным государственным союзом. При этом каждый предшествующий союз входил в состав последующего, из него развивавшегося. На высшей ступени, в государстве, эти союзы совмещались: семья с остатками родового союза становилась в ряду частных союзов как основная клеточка общественной организации; племена и народы либо ложились в основу сословного деления, либо оставались простыми этнографическими группами с нравственными связями и общими историческими воспоминаниями, но без юридического значения, как это бывало в разноплеменных, многонародных государствах. Но, складываясь из союзов кровного родства, общественный состав государства подвергался обратному процессу внутреннего расчленения по разнообразным частным интересам, материальным и духовным. Так возникали многообразные частные союзы, которые входят в состав гражданского общества.

НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС РАЗНООБРАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ.

Я напомнил вам эту известную общую схему социально-исторического процесса для того, чтобы на ней показать, какие явления наблюдаются в этом процессе при местном его изучении. Бесконечное разнообразие союзов, из которых слагается человеческое общество, происходит оттого, что основные элементы общежития в разных местах и в разные времена являются не в одинаковом подборе, приходят в различные сочетания, а разнообразие этих сочетаний создается в свою очередь не только количеством и подбором составных частей, большею или меньшею сложностью людских союзов, но и различным соотношением одних и тех же элементов, например преобладанием одного из них над другими. В этом разнообразии, коренная причина которого в бесконечных изменениях взаимодействия исторических сил, самое важное то, что элементы общежития в различных сочетаниях и положениях обнаруживают неодинаковые свойства и действия, повертываются перед наблюдателем различными сторонами своей природы. Благодаря тому даже в однородных союзах одни и те же элементы стоят и действуют неодинаково. Кажется, что может быть в человеческом общежитии проще и однообразнее семьи? Но какая разница между семьей христианской и языческой или между семьей древней, в состав которой входили и челядинцы как родные и в которой все домочадцы рабски безмолвствовали перед домовладыкой, и семьей новой, основанной исключительно на кровном родстве и в которой положение всех членов обеспечено не только юридически, но еще более нравственными определениями, где власть родителей является не столько совокупностью прав над домочадцами, сколько совокупностью обязанностей и забот о детях. Присутствие элементов, незаметных в составе первобытной языческой семьи, изменило характер союза. Одни и те же элементы, сказал я, действуют неодинаково в различных сочетаниях. Если мы замечаем, что в одной и той же стране в разные времена капитал то поработал труд, то помогал развитию его свободной деятельности, усиливая его производительность, то служил источником почета, уважения к богатству, то разжигал ненависть или презрение со стороны бедноты, — мы вправе заключать, что социальный состав и нравственное настроение общества в той стране подвергались глу-

«Прибытие на Нижегородскую ярмарку партии крепостных на продажу».

Рисунок К. Лебедева, 1917 г.

боким переломам. Или примите в соображение, как видоизменяется начало кооперации в семье, в артели, в торговой компании на акциях, в товариществе на вере. Посмотрите также, как изменяется образ действий государственной власти от состояния общества в разные периоды государственной жизни: она действует то независимо от общества, то в живом единении с ним, то закрепляет существующие неравенства и даже создает новые, то уравнивает классы и поддерживает равновесие между общественными силами. Даже одни и те же лица, образуя различные по характеру союзы вследствие разнообразия интересов, ими руководящих, действуют различно в торговой конторе, в составе ученого, художественного или благотворительного общества. Еще пример. Труд — нравственный долг и основа нравственного порядка. Но труд труду рознь. Известно, что труд подневольный, крепостной, производит далеко не то же действие на хозяйственный и нравственный быт народа, как труд вольный: он убивает энергию, ослабляет предприимчивость, развращает нравы и даже портит расу физически. В последние десятилетия перед освобождением крестьян у нас стал прекращаться естественный прирост крепостного населения, т. е. начинала вымирать целая половина сельской России, так что отмена крепостного права переставала быть вопросом только справедливости или человеколюбия, а становилась делом стихийной необходимости. Последний пример. Известно, что в первобытном кровном союзе личность исчезала под гнетом старшего, и ее высвобождение из-под этого гнета надобно считать значительным успехом в ходе

цивилизации, необходимым для того, чтобы общество могло устроиться на началах равноправности и личной свободы. Но прежде чем успели восторжествовать эти начала, свобода предоставленного самому себе одинокого человека по местам содействовала успехам рабства, вела к развитию личной кабалы, иногда более тяжелой сравнительно с гнетом старинных родовых отношений. Значит, личная свобода при известном складе общежития может вести к подавлению личности, и, когда мы читаем статью Уложения царя Алексея Михайловича, которая грозит кнутом и ссылкой на Лену свободному человеку, вступившему в личную зависимость от другого, мы не знаем, что делать, сочувствовать ли эгалитарной мысли закона или скорбеть о крутом средстве, которым он одно из самых ценных прав человека превращал в тяжкую государственную повинность.

Из приведенных примеров видим, что составом общества в различных сочетаниях устанавливается *неодинаковое отношение между составными элементами*, а с изменением взаимного отношения и *самые элементы обнаруживают различные свойства и действуют неодинаково*.

ОБЩАЯ НАУЧНАЯ ЦЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ. Зная, с какими вопросами надобно обращаться к историческим явлениям, чего искать в них, можно определить и научное значение истории известного народа по отношению к общему историческому изучению человечества. Это значение может быть двоякое: с одной стороны, оно определяется энергией развития народа и, в связи с этим, степенью его влияния на другие народы, а через них на общее культурное движение человечества; с другой стороны, отдельная история известного народа может быть важна своеобразностью своих явлений независимо от их культурного значения, когда представляет изучающему возможность наблюдать такие процессы, которые особенно явственно вскрывают механику исторической жизни, в которых исторические силы являются в условиях действия, редко повторявшихся или нигде более не наблюдаемых, хотя бы эти процессы и не оказали значительного влияния на общее историческое движение. С этой стороны научный интерес истории того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими

свойств тех или иных элементов общежития. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя не много научного интереса.

УДОБСТВО ИСТОРИИ РОССИИ для СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. История России представляет некоторые методологические удобства для отдельного социологического изучения. Эти удобства состоят: 1) в сравнительной *простоте* господствующих в ней процессов, помогающей достаточно отчетливо разглядеть работу исторических сил, действие и значение различных пружин, входивших в сравнительно несложный состав нашего общежития; 2) в *своеобразном* сочетании действовавших в нашей истории условий народной жизни. Сравнительная простота строя нашей исторической жизни не мешала своеобразности ее строения. В ней наблюдаем действие тех же исторических сил и элементов общежития, что и в других европейских обществах; но у нас эти силы действуют с неодинаковой напряженностью, эти элементы являются в ином подборе, принимают иные размеры, обнаруживают свойства, незаметные в других странах. Благодаря всему этому общество получает своеобразный состав и характер, народная жизнь усваивает особый темп движения, попадает в необычные положения и комбинации условий. Приведу несколько примеров. Во всякой стране система рек давала направление торговле, свойством почвы обуславливался характер промышленности. В первые века нашей истории, когда главная масса русского населения сосредоточивалась в черноземной области среднего Днепра с его обоюдосторонними притоками, важнейшие реки южной Руси направляли русскую торговлю к черноморским, азовским и волжско-каспийским рынкам, где спрашивались преимущественно мед, воск, меха — продукты леса и в меньшей степени хлеб. Это сделало внешнюю торговлю господствующей силой в народном хозяйстве русских славян и вызвало усиленное развитие лесных промыслов, звероловства и бортничества. Но потом под давлением, шедшим из тех же степей, по которым пролегли пути русской торговли, главная масса русского населения передвинулась в область Верхней Волги, на алаунский суглинок. Удаление от

Вид Москвы в 1-й половине XIX в.

Литография из альбома «Панорама Москвы и ее окрестностей» (М., Париж, 1847)

приморских рынков ослабило внешний сбыт и сократило лесную промышленность, а это привело к тому, что хлебопашество стало основой народного хозяйства. И вот случилось, что на открытом днепровском черноземе Русь усиленно эксплуатировала лесные богатства и торговала, а на лесистом верхневолжском суглинке стала усиленно выжигать лес и пахать. Внешние международные отношения, влиявшие на размещение населения в стране, сплетались с внутренними географическими ее особенностями в такой запутанный узел, что народный труд, подчиняясь одним условиям, получал направление, не соответствовавшее другим. В народно-хозяйственном быту, так своеобразно складывавшемся, естественно ожидать явлений, не подходящих под привычные нормы. В 1699 г. Петр Великий предписал русским купцам торговать, как торгуют в других государствах, компаниями, складывая свои капиталы. Дело по непривычке и недостатку доверия шло туго. Между тем Древняя Русь выработала свою форму торгового товарищества, в котором соединялись не капиталы, а лица на основе родства и нераздельности имущества. Под руководством и ответственностью

старшего неотделенные родственники вели торговое дело не как товарищи-пайщики, а как подчиненные агенты хозяина. Это — *торговый дом*, состоявший из купца-хозяина с его «купеческими братьями», «купеческими сыновьями» и т. д.

Эта форма кооперации наглядно показывает, как потребность коллективной деятельности, при недостатке взаимного доверия в обществе, искала средств удовлетворения под домашним кровом, цепляясь за остатки кровного союза.

Так, в нашем прошлом историк-социолог встретит немало явлений, обнаруживающих разностороннюю гибкость человеческого общества, его способность применяться к данным условиям и комбинировать наличные средства согласно с потребностями. Мы только что видели, как из древнерусского родственного союза под действием экономической потребности выработалась идея торгового дома. Сейчас увидим, как идея нравственного порядка под действием местных условий послужила средством для удовлетворения хозяйственных нужд населения. Вместе с христианством на Русь принесена была с Востока мысль об отречении от мира как о вернейшем пути к спасению

и труднейшем подвиге христианства. Мысль эта воспринята была русским обществом так живо, что менее чем через сто лет киевский Печерский монастырь явил высокие образцы иноческого подвижничества. Три-четыре века спустя та же мысль вела ряды отшельников в глухие леса северного Заволжья. Но многочисленные лесные монастыри, там основанные ими, вопреки их воле получили значение, не отвечавшее духу фиваидского и афонского пустынножительства. Первоначальная идея иночества не померкла, но местные нужды осложнили ее интересами, из нее прямо не вытекавшими, превратив тамошние пустынные монастыри частью в сельские приходские храмы и убежища для престарелых людей из окрестного населения, частью в бессемейные землевладельческие и промышленные общины и опорные пункты, своего рода переселенческие станции крестьянского колониационного движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, повторяю, при сравнительной простоте строя наше общество строилось по-своему под действием местного подбора и соотношения условий народной жизни. Рассматривая эти условия в самую раннюю пору сравнительно с действовавшими в Западной Европе, найдем и первоначальный источник обеих особенностей нашей истории, так облегчающих изучение ее общественных явлений. С первобытным культурным запасом, принадлежавшим всем арийским племенам и едва ли значительно умноженным в эпоху переселения народов, восточные славяне с первых своих ша-

гов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем не похожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи, германские племена, начавшие новую историю Западной Европы. Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизованных провинциалов павшей империи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры. Восточные славяне, напротив, увидели себя на бесконечной равнине, своими реками мешавшей им плотно усесться, своими лесами и болотами затруднявшей им хозяйственное обзаведение на новоселье, среди соседей, чуждых по происхождению и низших по развитию, у которых нечем было позаимствоваться и с которыми приходилось постоянно бороться, в стране ненаселенной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин, а только одни бесчисленные могилы в виде курганов, которыми усеяна степная и лесная Россия. Этими первичными условиями жизни русских славян определились и сравнительная медленность их развития, и сравнительная простота их общественного состава, а равно и значительная своеобразность и этого развития, и этого состава.

Запомним хорошенько этот начальный момент нашей истории: он поможет нам ориентироваться при самом начале пути, нам предстоящего.

